

Ломоносов ставил свои поэтические произведения в один ряд с научными трудами. Отстаивая независимость своей гипотезы о причинах северного сияния от догадки Франклина, Ломоносов ссылаясь на свое «Вечернее размышление о божием величестве», в котором впервые была высказана эта гипотеза.

Основным критерием художественной литературы, ее права на существование, оправдания ее важного места в общественной жизни был для Ломоносова критерий практической и нравственной полезности. Отсюда — требование дидактичности, нравоучительности литературы. Вот характерное в этом отношении определение повести, содержащееся в «Риторике»: «Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешанное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах; такова есть Барклаева Аргенида и Телемак Фенелонов. Из сего числа выключаются сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетением на смех приводят, как сказка о Бове и великая часть французских романов» (стр. 222).

Следует заметить, что такое упрощенное и прямолинейное понимание полезности литературы было свойственно классицизму в целом и с исторической точки зрения было отнюдь не недостатком, а необходимым моментом в развитии литературы в начальный ее период.

На протяжении всего XVIII века ломоносовская «Риторика» была настольной книгой писателей, в том числе и такого крупнейшего и оригинальнейшего поэта, как Державин.

Совершенно несомненно, что чтение и изучение ломоносовского руководства, выполнение упражнений, которые в нем рекомендовались, имело положительное значение для писателей XVIII в., способствуя развитию образного поэтического мышления.